

Критическое мышление. Проблема определения *

А. С. Боброва¹

¹Российский государственный гуманитарный университет
Москва

Аннотация: В статье обсуждается проблема определения термина «критическое мышление». В работе перечисляются ряд имеющихся дефиниций, а также указываются критерии их оценки. Настоящую статью можно рассматривать как первую часть серии, посвященной вопросам критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, определение, метаанализ, неформальная логика, принятие решений.

Введение

Кажется, что ценность критического осмысления действительности в истории западной мысли не оспаривается со времен Сократа. Неизменно высоким интерес к этой теме остается и наши дни. В последние пятьдесят–шестьдесят лет критическое мышление изучают особенно активно: по этой теме написана не одна диссертация (некоторые из них можно найти по ссылке <http://www.criticalthinking.org/pages/research-in-critical-thinking/577> [дата обращения — 28 июня 2017]). Этому мышлению пытаются научить. Оно играет роль идеала, к которому стремится или должен стремиться всякий успешный студент или учащийся. Курсы по критическому мышлению пользуются популярностью уже не одно десятилетие. Сегодня эта тенденция добралась и до России. Вместе с тем стоит признать, что мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, что скрывается за этим словосочетанием, что означает «мыслить критически» и можно ли этому в принципе научить.

В своей работе я заведомо не ставлю задачу породить еще одну дефиницию. Задача на порядок скромнее — выяснить, как определяют критическое мышление сегодня, какие историко-философские труды повлияли на нынешнее

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-36-00026 а1.

звучание «критического», а также, что скрывается за курсами критического мышления в университетах. Полагаю, это позволит получить хотя бы общее представление о рассматриваемом явлении. Эта работа посвящена проблеме дефиниции: какие определения существуют, насколько их возможно систематизировать. Остальные вопросы будут рассматриваться в последующих публикациях. Таким образом, настоящую статью можно рассматривать как первую часть серии, посвященной вопросам критического мышления.

Проблем с определениями термина «критическое мышление» и в самом деле немало. Во множестве существующих определений довольно трудно выделить единый содержательный стержень. Ситуация усугубляется тем, что о критическом мышлении рассуждают одновременно философы, психологи, филологи и, конечно же, специалисты в области педагогики. Такая разношерстная компания не может не порождать различных смысловых оттенков у рассматриваемого понятия, следствием чего становится размывание его содержания. Так, психологи основной особенностью критического чаще всего видят умение ставить вопросы, которые позволяли бы проникать в суть проблем, а потому облегчать решение последних. Филологи сопоставляют критическое мышление с навыками анализа текста, с умением посмотреть, как текст воздействует на читателя. Педагоги акцентируют внимание на развитии у людей рациональных познавательных способностей, на принятии ими обдуманных решений. Философы традиционно обращаются к логике и аргументации, то есть пытаются посмотреть на основы рациональных способностей, умения ставить вопросы, о которых говорят специалисты смежных дисциплин. Очевидно, что философский подход в этом перечне выделяется своей фундаментальностью. Философы не просто используют это понятие как данность, а пытаются проникнуть в его суть. В силу этого, рассуждая о теоретических основах критического мышления, я буду придерживаться рамок именно философского анализа. Думаю, такой выбор может дать хотя бы минимальную надежду на прояснение искомой содержательной компоненты. Модные же междисциплинарные исследования в этом случае не только не представляют интереса, но могут даже, наоборот, привести к еще большему выхолащиванию и без того замутненного термина.

В первой части статьи речь пойдет о существующих определениях, во второй — поговорим о перечне существенных признаков, которые могли бы быть приписаны критическому мышлению в целом.

1 Проблема определения

Сегодня определений критического мышления существует столько, что даже надежда на создание их общего перечня выглядит эфемерной. Думаю, не буду слишком далека от правды, если замечу, что большая часть определений возникла в последние полвека. Определений много, они разные, так как несмотря на явный интерес к проблеме, канонического взгляда на нее еще не сложилось. Наверное, такая неопределенность и является причиной имеющегося многообразия. Не претендуя на полноту и всеохватность, приведу относительно короткий список определений, которого, полагаю, будет достаточно, чтобы получить

представление о проблеме в целом. В основном в списке фигурируют англоязычные авторы, однако в конце можно найти формулировки, которые предлагаются в литературе, изданной на русском языке. Итак:

«Бэйлин и Бэттерсби (Bailin and Battersby, 2010): тщательная проверка проблемы ради достижения резонного суждения.

Хэтчер и Спенсер (Hatcher and Spencer, 2006): попытка прийти к решению или к суждению только после честной оценки возможных альтернативных свидетельств и аргументов.

Джонсон (Johnson, 2014): отчетливое суждение относительно интеллектуального продукта, полученного на основе наблюдений за этим продуктом в терминах соответствующих стандартов (или критериев).

Липман (Lipman, 1988): критическое мышление — продвинутое, ответственное мышление, которое содействует хорошему суждению, так как оно является чувствительным к контексту, опирается на определенные критерии и самокорректируется.

Ридер (Reeder, 1984): использование набора логических, риторических и философских навыков и позиций, которые улучшают способность интерсубъективно открывать то, во что мы должны верить.

Мингерс (Mingers, 2000): дисциплина, обучающая скептически или вопрошающе воспринимать показания, высказывания или информацию» (Johnson, Hamby, 2015, p. 428).

Зигель: «Мышление, которое регулируется определенными причинами» (Siegel, 1988).

Уолтон: «Критическое мышление как дисциплина предполагает в своей основе наличие центральной теории резонной критики аргументов [...] [предполагающей] умение конструктивно понимать другую точку зрения и [...] умение выявлять предрассудки» (Walton, 1989, p. 169).

Фишер и Скривен: «[...] интерпретация, а также оценка наблюдений и общения, информации и аргументации» (Fisher, Scriven, 1997).

Эннис: «[...] резонное, рефлексивное мышление, фокусирующееся на решениях, во что верить или что делать» (Ennis, 2013, p. 1).

Сорина: «Критическое мышление (critical thinking) — это способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку корреляции между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей автора и читателя, сторонника и оппонента» (Сорина, 2005, с. 195).

Брюшинкин: критическое мышление есть «[...] последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем

высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям» (Брюшинкин, 2003, с. 30). При этом подходе охватывается область норм, вопрос критерия критической оценки, так как возможность переосмысления фактов и ценностей отличает критическое мышление от догматического, в котором возможность такого переосмысления не допускается.

Резюмируя, в определениях чаще всего подчеркивается важность логической составляющей: об этом открыто заявляют Ридер, Липман, Сорина, Брюшинкин. Г. В. Сорина и вовсе, придерживаясь линии, ранее высказанной И. Н. Грифцовой (1998), позиционирует критическое мышление как современное развитие уже существовавшей ранее практической логики (работы Немецкого Просвещения, логика Пор-Рояля). Кроме того, практически все исследователи подчеркивают роль контекста при анализе рассуждений. Можно заметить и еще одну особенность: порой «критическое» определяется через противопоставление другому типу мышления, которым оно не является. Противопоставление критического и догматического подчеркивает В. Н. Брюшинкин. О критическом как о чем-то отличительном свободной, то есть ненормированной, «креативной» процедуры в своей работе заявляет А. Шуман. Он утверждает, что критическое мышление — здесь я прибегаю к статье Е. Е. Ивуниной — есть «комплекс таких аргументативно-логических методов, которые не самодостаточны, — будучи простыми схемами, они требуют конкретного наполнения в зависимости от поставленной [...] задачи» (Ивунина, 2009, р. 28). Отличительным же признаком креативного оказывается отсутствие формы рассуждения (Шуман, 2004). О критическом как о чем-то противостоящем креативному пишет и Бэттерсби (Battersby, 2016): критическое предполагает набор норм, а креативность, в отличие от него, допускает нарушение известных логических образцов. Различить позицию последнего от позиции Шумана довольно сложно. Скорей всего они имеют общие корни, хотя я предпочту не углубляться ни в этот вопрос, ни в вопрос, что есть «креативное» нарушение логических образцов.

Совладать с подобным разнообразием не просто, однако это следует пытаться осуществить: понимание критического мышления вряд ли возможно без анализа определений. В принципе, в сложившейся ситуации напрашиваются два направления работы: можно выделить какие-то общие характеристики, которые позволили бы построить универсальное определение, а можно эти же характеристики использовать для построения классификации имеющихся определений. Оба направления, признаться, кажутся малопродуктивными. Я допускаю возможность построения универсального определения, но не могу поверить в серьезность его содержательной составляющей. Для создания такой формулировки было бы необходимо отказаться от большинства существенных характеристик, без которых подобное определение стало бы чрезмерно общим, а потому потеряло бы свою практическую значимость. Что касается классификаций, то здесь нас ожидают свои трудности. Многие определения говорят о сходных вещах, а потому, если бы мы представили объемы стоящих за ними понятий на круговых схемах, то стали бы свидетелями частых пересечений.

Такие наложения при построении классификаций, как известно, недопустимы. Кроме того, особенностей, выполняющих роль основания деления, очень много, а значит, классификация вынуждена быть довольно объемной и сложной для осмысления. Последнее все же несколько обесценивает ее на смысловом уровне. Наконец, постоянно появляющиеся новые определения время от времени указывают на новые особенности, характерные именно для критического восприятия. Это увеличивает набор потенциально важных оснований деления, то есть классификация уже изначально теряет надежду на полноту.

Для демонстрации своей точки зрения приведу лишь один пример. С определенной долей условности определения можно было бы поделить на, во-первых, указывающие на отличительные признаки критического мышления и, во-вторых, на его процедурные особенности. В первом случае в центре рассмотрения оказались бы существенные признаки самого понятия, а во втором — процедуры проверки, способные «активизировать» критическое восприятие. Как результат, в первом случае «критическое мышление» встало бы в один ряд с такими терминами, как «разностороннее осмысление», «хорошее рассуждение»; во втором — с понятиями «неформальная логика», «теория аргументации», «прикладная эпистемология», «принятие решений». Ни первый, ни второй подход не являются удовлетворительными: критическое мышление не может привязываться к хорошему рассуждению и не должно отождествляться с неформальной логикой и прикладной эпистемологией. Кроме того, нельзя не признать, что квалифицирующие определения, если они и являются таковыми, то только на уровне формы. Их конечная цель чаще всего состоит в указании на конкретные действия, которые влияют на развитие навыков критического мышления. Аналогичной — правда, с точностью до наоборот — ситуация выглядит и в случае операционных определений.

Невозможность построения классификации или универсального определения не говорит о том, что невозможно сформировать какой-то общий список существенных признаков критического мышления. Более того, создание такого списка выглядит вполне продуктивно: он позволил бы взглянуть на определения со стороны, то есть встать на столь любимую логиками и философами позицию метаанализа. О некоторых из таких особенностей и пойдет речь в следующей части.

2 Метауровень обсуждения

С прототипами метаанализа, если быть справедливыми, мы уже сталкивались в первой части работы. К такого рода подходу можно отнести определения через противопоставления, которые мы встречаем у Брюшинкина, Шумана, Бэттсбери. В них мы видим желание ограничить критическое мышление от всего остального: в наших случаях — от догматического или креативного мышления. Другого рода метаанализ, по линии «предмет и способ его реализации», предлагают Фишер и Шривен (Fisher, Scriven, 1997): они различают критическое мышление и неформальную логику, причем последняя становится инстру-

ментом для изучения первого. Уничтожение существовавшего равенства, как будет показано ниже, нельзя недооценивать.

Скорей всего отголоски метаанализа можно найти и в каких-то других случаях, однако нигде, насколько мне известно, авторы в них не говорят напрямую о метаанализе. Он не играет для них той первостепенной роли, какую можно увидеть в работе Р. Джонсона и В. Хэмби (Johnson, Hamby, 2015). В этой статье авторы решительно отказываются от идеи классификации определений и заменяют ее списком общих опасностей, которые могут возникать перед произвольно взятым определением. По их мнению, такой перечень, своего рода метаанализ, мог бы сыграть регулирующую или даже оценочную функции. Он мог бы помогать определять критерии, которые указывали бы на тип определения; давать основания для соотнесения определений; задавать критерии для оценки их достоинств и недостатков. Идея, мне кажется, не совсем пропадающая. В предлагаемом ими перечне я бы обратила внимание на три опасности.

Первой авторы называют возможность возникновения неправильных коннотаций. Термин «критический» имеет несколько смысловых нагрузок: «В обычной речи термин “критический” означает “чрезвычайно негативный”, [...] Второй смысл [...] соотносится с идеей кризиса: пациент находится в “критическом” состоянии; переговоры достигли “критической фазы”. [...] Третий смысл термина “критический” отражает хорошее суждение о чем-то» (*ibid.*, p. 424). Возможно, существуют и иные оттенки смыслов, но применительно к критическому мышлению наиболее точным оказывается третий из перечисленных вариантов. При этом эквивалентность критического мышления хорошему суждению не выглядит безоблачной. Она не только не добавляет информативности первому, но и способна увести нас в ненужном направлении. Впрочем, на недопустимость знака равенства между критическим и любым хорошим мышлением обращают внимание и авторы рассматриваемой работы (*ibid.*, p. 425).

Вторая опасность, выделяемая в работе, практически вторит тому, о чем я писала выше: в наши дни термин «критическое мышление» встает в один ряд с терминами «теория рассуждений», «аргументация», «неформальная логика», «решение проблем», «принятие решений» и т. п. В момент зарождения современного интереса к критическому мышлению большой проблемы в этом не было. Однако она появилась по мере разрастания списка тождественных понятий. Сегодня специалисты все чаще и чаще стремятся разорвать эту, казалось бы прочную, цепочку. Выше я уже писала о размежевании, которое предлагают Фишер и Шривен. По аналогичному пути, правда, применительно к другим понятиям идет и упоминавшийся Бэттерсби: «Критическое мышление не ограничивается прикладной эпистемологией [...], а включает в себя также рациональные принятия решений» (Battersby, 2016, p. 101), то есть «подразумевает не только решение, во что верить, но и, что для этого делать» (*ibid.*, p. 101). Получается, что критическое мышление предполагает нечто большее, чем только анализ познавательных способностей.

Хотя такие размещения и стали появляться, выглядят они еще довольно зыбко. Впереди предстоит немало работы, чтобы границы рассматриваемых понятий приобрели отчетливое очертание. Проблема отягощается еще и тем, что

в вопросе необходимости разграничения понятий не существует единодушия. Некоторые исследователи, кажется, и вовсе не замечают подобных сложностей. Среди них оказывается И. В. Хоменко, для которой названия «практическая логика (practical logic); философия аргументации (philosophy of argument); теория аргументации (theory of argument); прикладная эпистемология (applied epistemology); теория рассуждения (theory of reasoning); теория критического мышления (theory of critical thinking) и другие» (Хоменко, 2013, р. 5) оказываются лишь заменой не очень удачного названия «неформальная логика» (“informal logic”). Рассуждать о терминологическом тождестве ей не мешает даже прямая опора на цитату Фишера и Шривена о необходимости различения понятий, о которой упоминалось выше. Не обращает внимание на проблему границ и В. И. Чуешов, предлагая, наоборот, еще большее обобщение: «“Практическая логика”, “информальная логика”, “критическое мышление”, “теория аргументации”, “аргументология”, “аргументорика” и т. п. выступают как неклассическая имплицитная модель предельных оснований логики» (Чуешов, 2009, р. 252–253).

Эти два примера, взятые из русскоязычной литературы, думаю, довольно наглядно отражают суть проблемы. Если мы и дальше будем игнорировать тождество вряд ли отождествимого, то столкнемся с большими трудностями. И вопрос тут не в тривиальном «зачем использовать столько слов для одного понятия?», а на порядок более серьезный: если отождествлять критическое мышление с неформальной логикой с одной стороны и с принятием решений с другой, то неизбежно стоит признавать и тождество неформальной логики с процессом принятия решений. Но последние два понятия уже вряд ли могут обозначать одно и то же. Тогда почему мы до сих пор ставим их через запятую?

Вернемся к списку опасностей Джонсона и Хэмби, третья из которых может показаться несколько неожиданной, но при этом весьма точной: «Большинство предлагаемых философами определений критического мышления, ориентированы на решение задачи — как принять то, во что верить. Но также важен [...] процесс удержания верования» (Johnson, Hamby, 2015, р. 426). И в самом деле, рассуждая о критическом мышлении, чаще всего мы говорим об оценке мнений в момент их принятия, вопрос же отстаивания мнения перед лицом критики уходит на второй план. Между тем понимание причин, которые позволяют человеку сохранять свои верования и мнения, выдерживать критику, не менее важно.

Список метасвойств скорей всего может быть продолжен, что, кстати, было бы неплохо. Я же на этом остановлюсь. Думаю, сказанного уже достаточно, чтобы убедиться, что подобные перечни позволяют нам лучше понимать суть критического мышления, разрабатывать возможные направления для дальнейшей работы. В качестве подтверждения позаимствую пример из статьи Джонсона и Хэмбли. Они замечают, что многозначность термина «критический» позволяет отличать этот термин от термина «принятие решений»: решение проблемы или принятие решений означает взгляд на «критическое» как на нечто важное для выживания, а собственно критическое мышление ведет речь о «критическом»

в смысле, насколько я понимаю, более общей способности точно формулировать смысл мнения или верования. Методы критического мышления задают критерии для принятия и отстаивания своего мнения, что не стоит путать с банальным упрямством (Johnson, Hamby, 2015, p. 427). Однако насколько далеко мы сможем таким образом продвинуться, предсказывать не берусь.

Заключение

Сравнительно небольшой список определений, предложенный в первой части, показал, что мы вряд ли сможем получить какой-то универсальный ответ на вопросы, что такое критическое мышление и чему, следовательно, нас обещают научить на одноименных курсах. Универсальное определение вряд ли возможно, так как к нему должен быть выдвинут такой набор требований, одновременное удовлетворение которых может реализоваться лишь в рамках чрезмерно пространной формулировки, то есть формулировки, практически полностью лишенной какой бы то ни было серьезной содержательной нагрузки. Таким образом, в силу многогранности понятия уместнее выглядит набор дефиниций, в рамках которого каждое способно расставлять свои акценты.

Множество определений, безусловно, мешает формированию цельного представления. Однако эту функцию может взять на себя перечень существенных и отличительных признаков критического мышления, который можно получить в ходе метаанализа рассматриваемого понятия. Такой список скорей всего может сыграть свою положительную роль, хотя стоит признать, что он вряд ли позволит нам выйти за пределы того, что мы имеем сегодня. Раз у нас до сих пор не сложилось канонического взгляда на проблему критического мышления, возможно уместно обратиться к истории и соотнести современные представления с предшествующими историко-философскими учениями, которые, безусловно, повлияли на современное понимание термина «критический». Такая ретроспектива дает надежду, что мы увидим признаки, которые потеряли, а также позволит ответить на содержательные вопросы: почему критическое мышление не тождественно диалогическому, скептическому, познавательному и пр.; насколько оправданы его претензии и амбиции на самостоятельное место в учебном процессе. Именно об этом пойдет речь в следующих работах.

Список литературы

- Брюшинкин В.* Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. Брюшинкина В. Н., Маркина В. И. — Калининград : Изд-во КГУ, 2003. — С. 29–34.
- Грифцова И. Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. — М. : Эдиториал УРСС, 1998.
- Ивунина Е. Е.* О различных подходах к понятию «критическое мышление» // Молодой ученый. — 2009. — № 11. — С. 170–174.

- Сорина Г. В.* Критическое мышление и метод экспертных групп // Эпистемология и философия науки. — 2005. — № 1. — С. 194–204.
- Хоменко И. В.* Теоретические проблемы неформальной логики: конфликты точек зрения // РАЦИО.ru. — 2013. — № 9. — С. 3–21.
- Чуешов В. И.* Возможен ли аргументационный поворот в современной логике, или О предельных основаниях логики в XXI веке // РАЦИО.ru. — 2009. — № 2. — С. 240–254.
- Шуман А. Н.* Современная логика: теория и практика. — Мн. : Экономпресс, 2004.
- Bailin S., Battersby M.* Reason in the Balance: An Inquiry Approach to Critical Thinking. — Whitby : McGraw-Hill Ryerson, 2010.
- Battersby M.* Enhancing Rationality: Heuristics, Biases, and the Critical Thinking Project // Informal Logic. — 2016. — Vol. 36, no. 2. — P. 99–120.
- Corcoran J.* Critical Thinking and Pedagogical License // Manuscripto. — 1999. — No. XXII. — P. 109–116.
- Ennis R. H.* Critical Thinking Across the Curriculum // Virtues of Argumentation: Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA) / ed. by D. Mohammed, M. Lewiński. — Windsor, ON : OSSA, 2013. — P. 1–16.
- Fisher A., Scriven M.* Critical thinking: Its definition and assessment. — Point Reyes, CA : EdgePress, 1997.
- Johnson R. H., Hamby B. A.* Meta-Level Approach to the Problem of Defining ‘Critical Thinking’ // Argumentation. — 2015. — Vol. 29. — P. 417–430.
- Siegel H.* Educating Reason: Rationality, Critical Thinking, and Education. — New York : Routledge, 1988.
- Walton D.* Dialogue Theory for Critical Thinking // Argumentation. — 1989. — Vol. 3. — P. 169–184.

Об авторе

Ангелина Сергеевна Боброва — кандидат филос. наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, angelina.bobrova@gmail.com.

Critical Thinking. The Problem of Defining

Angelina Bobrovaⁱ

ⁱRussian State University for the Humanities

Abstract: The paper contributes to the question of defining “critical thinking”. It represents some definitions, and states some (meta-level) evaluation criteria for them. This work should be appraised as the first part of general critical thinking discussion.

Keywords: critical thinking, definition, meta-level analysis, informal logic, problem solving.

References

- Bailin S. and Battersby M. (2010). *Reason in the Balance: An Inquiry Approach to Critical Thinking*. Whitby: McGraw-Hill Ryerson.
- Battersby M. (2016). “Enhancing Rationality: Heuristics, Biases, and the Critical Thinking Project”. *Informal Logic*, vol. 36, no. 2, pp. 99–120.
- Bryushinkin V.N. (2003). «Kriticheskoe myshlenie i argumentatsiya». В: *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya*. Под ред. Bryushinkin V. N. и Markin V. I. Kaliningrad: Izd-vo KGU, с. 29–34.
- Chueshov V. I. (2009). «Vozmozhen li argumentatsionnyi povorot v sovremennoi logike, ili O predel'nykh osnovaniyakh logiki v XXI veke». *RATsIO.ru*, № 2, с. 240–254.
- Corcoran J. (1999). “Critical Thinking and Pedagogical License”. *Manuscripto*, no. XXII, pp. 109–116.
- Ennis R. H. (2013). “Critical Thinking Across the Curriculum”. In: *Virtues of Argumentation: Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*. Ed. by D. Mohammed and M. Lewiński. Windsor, ON: OSSA, pp. 1–16.
- Fisher A. and Scriven M. (1997). *Critical thinking: Its definition and assessment*. Point Reyes, CA: EdgePress.
- Griftsova I. N. (1998). *Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya distsiplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noi i neformal'noi logiki*. M.: Editorial URSS.

- Ivunina E. E. (2009). «O razlichnykh podkhodakh k ponyatiyu «kriticheskoe myshlenie»». *Molodoi uchenyi*, № 11, c. 170–174.
- Johnson R. H. and Hamby B. A. (2015). “Meta-Level Approach to the Problem of Defining ‘Critical Thinking’”. *Argumentation*, vol. 29, pp. 417–430.
- Khomenko I. V. (2013). «Teoreticheskie problemy neformal’noi logiki: konflikty tochek zreniya». *RATsIO.ru*, № 9, c. 3–21.
- Shuman A. N. (2004). *Sovremennaya logika: teoriya i praktika*. Mn.: Ekonompress.
- Siegel H. (1988). *Educating Reason: Rationality, Critical Thinking, and Education*. New York: Routledge.
- Sorina G. V. (2005). «Kriticheskoe myshlenie i metod ekspertnykh grupp». *Epistemologiya i filosofiya nauki*, № 1, c. 194–204.
- Walton D. (1989). “Dialogue Theory for Critical Thinking”. *Argumentation*, vol. 3, pp. 169–184.

About author

Angelina **Bobrova**, Associate Professor, Department of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, angelina.bobrova@gmail.com.